

потенциально содержат «печальный анекдот». В более современном нам театре только А. П. Чехову (1860–1904) было под силу показать радикальное несоответствие между персонажем и его отражением.

Комедии Мольера, как правдивое зеркало, отразили страхи и стереотипы французов, причем это отражение актуально и в наше время. Французы по-прежнему выдают желаемое за действительное, хотят казаться лучше, чем они есть на самом деле, любят спорить ради спора. В истории Франции порой случаются периоды смуты, когда общество расколото на враждующие лагеря, а Мольеру в своих произведениях удалось совместить, свести воедино политику, эстетику и мораль, превратив пропаганду официального искусства в зрелищный спектакль. Именно потому, что Мольер смог уловить тенденции современной ему эпохи, его гений подарил нам шедевры, которыми мы наслаждаемся по сей день.

Список использованной литературы

1. Мольер. Комедии / Мольер. – М., 1972. БВЛ Том 44. – 664 с.
2. Le misanthrope: texte intégral de Molière / édité par Patrice Soler. – Classiques Hachette, 1992. – 191 p.

Ю. Г. Курилов,

канд. филол. наук, доцент (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Ф. ГЁЛЬДЕРЛИНА В ПОЭЗИИ С. ГЕОРГЕ

Аннотация. Творчество Фридриха Гёльдерлина – сложнейший художественный феномен немецкой и мировой литературы, который был по достоинству оценен на рубеже XIX–XX вв. Его поэзия «влилась» в декадентскую эпоху и оказала значительное влияние на позднее творчество Стефана Георге, своеобразный мост между декадансом и модернизмом. Немецкий символист посвятил Гёльдерлину гимнические оды «in freien Rhythmen» («в свободных ритмах»), в которых переосмыслил ключевые лейтмотивы лирики непонятого гения, использовал антисинтаксический верлибр и увидел в Гёльдерлине поэта-пророка и «орфического певца».

Ключевые слова: Гёльдерлин; миф; празднование; Максими́н; красота; античность; верлибр.

Y. G. Kurylau,

PhD, Ass. Professor (Belarusian State University, Minsk, Belarus)

THE RECEPTION OF F. HÖLDERLIN'S WORKS IN S. GEORGE'S POETRY

Abstract. Friedrich Hölderlin's heritage is the most complex artistic phenomenon of German and world literature, which was appreciated at its true worth at the turn of the 19th–20th centuries. His poetry merged into the decadent era and had a significant influence on the later Stefan George's works, a kind of bridge between decadence and modernism. The German symbolist dedicated the hymn odes «in Freien Rhythmen» («in Free Rhythms») to Hölderlin. There he rethought the key leitmotifs of the lyrics of the misunderstood genius, used an anti-syntactic free verse and saw a poet-prophet and an «Orphic singer» in Hölderlin.

Key words: Hölderlin; myth; celebration; Maximin; beauty; antiquity; vers libre.

Фридрих Гёльдерлин (*Fridrich Hölderlin, 1770–1843*) – один из наиболее значительных немецкоязычных авторов, который оказал огромное влияние на развитие мировой поэзии. Творческие искания классика не оценили по достоинству современники, и его поэзия была вновь «открыта» лишь на рубеже XIX–XX вв. Ф. Гёльдерлин предвосхитил многие художественные открытия XIX и XX вв., а традиции великого новатора,

занимавшего особое место «между классикой и романтизмом» (*«zwischen Klassik und Romantik»*), нашли свое отражение в творчестве Ф. Ницше (*Friedrich Wilhelm Nietzsche 1844–1900*), С. Георге (*Stefan Anton George, 1868–1933*), Р. М. Рильке (*Rainer Maria Rilke 1875–1926*), Г. Тракля (*Georg Trakl, 1887–1914*), И. Бехера (*Johannes Robert Becher; 1891–1958*), Н. Закс (*Nelly Sachs; 1891–1970*), Р. Ауслендер (*Rose Ausländer, 1901–1988*), П. Целана (*Paul Celan, 1920–1970*), И. Бобровского (*Johannes Bobrowski, 1917–1965*) и других немецкоязычных поэтов.

Стефан Антон Георге – выдающийся немецкий поэт, в творчестве которого преломились разнообразие интроспективно-субъективистские направления и течения: символизм, импрессионизм, эстетизм, неоромантизм и югендстиль. Его ранние стихотворения написаны в русле «чистого искусства» и под значительным влиянием французского символизма. В первых сборниках и переводных изданиях Георге отдает дань уважения таким выдающимся поэтам, как И. В. Гёте (*Johann Wolfgang von Goethe, 1782–1832*), Ф. Ницше, Ш. Бодлер (*Charles Pierre Baudelaire, 1821–1867*) и П. Верлен (*Paul Marie Verlaine, 1844–1896*). Уже в раннем творчестве символист понимает поэзию как сакральное действие, но примером поэта-пророка или поэта-мага становится для Георге отнюдь не Гёльдерлин, а Стефан Малларме, на званых вечерах которого немецкий поэт будет частым гостем.

На рубеже XIX–XX вв. в Германии формируется особый культурный феномен под названием «Гёльдерлиновское возрождение» (*«Hölderlin-Renaissance»*). Студент Норберт фон Хеллиграт исследовал в диссертации пиндаровские переложения и обнаружил ранее неизвестные поздние гимны Гёльдерлина. Его открытия были высоко оценены в эстетическом союзе «Круг Стефана Георге», с основателем которого Н. фон Хеллинграт познакомился в 1909 г. Молодой исследователь назвал Гёльдерлина *«neuen Retter, der die Menschen und die Götter aussöhnt»* («отцом» и «новым спасителем, который примиряет людей и богов» (*Здесь и далее перевод наш – Ю. К.*) [цит. по: 1, с. 29]). Показательно, что похожая оценка содержится в докладе немецкого филолога и поэта Фридриха Гундольфа, прочитанном в присутствии Стефана Георге, где провозглашался образ «поэта-пророка» (*«Seherdichter»*), который *«die offenbar gewordene Gottheit zu preisen und die schlafende zu wecken»* («открывшееся божество прославляет и будит спящих») [2, с. 29]). Позднее проницательные наблюдения Ф. Гундольфа и Н. фон Хеллинграта найдут свое отражение в позднем творчестве С. Георге, где поэт-визионер будет посредником между миром земным и миром небесным: *«mit entblößtem Haupte zu stehen, / des Vaters Strahl, ihn selbst, mit eigner Hand / Zu fassen»* («стоять с непокрытой Головой, / ловить Отца луч, его самого, / собственной рукою») [3, с. 125]. Показательно, что процитированный гимн Гёльдерлина «Как в праздник...» (*«Wie wenn am Feiertage...»*, 1799), где красноречиво выражена миссия поэта, был опубликован Георге в 1910 г. в журнале «Листы для искусства» (*«Blätter für die Kunst»*).

Первое обращение Георге к творческому наследию Гёльдерлина можно обнаружить в раннем цикле «Год души» (*«Jahr der Seele»*, 1898), название которого перекликается с заключительной строкой элегии «Плач Менона о Диотиме» (*«Menons Klagen um Diotima»*, 1802): *«Und von neuem ein Jahr unserer Seele beginnt»* («И вновь начинается год нашей души») [4, с. 83]. Казалось бы, Георге делает сознательную отсылку к наследию поэта, образ которого станет краеугольным в позднем цикле «Новое Царство» (*«Neues Reich»*, 1928). Однако в концептуальном плане сложно найти схождения между элегиями Гёльдерлина и стихотворениями декадентского цикла: лирический герой Георге не разделяет надежду Менона и говорит, что «в весну с собой я не могу тебя взять» (*«Ins Frühjahr darf ich dich nicht mit mir nehmen»* [5, с. 32]). Таким образом констатируется тотальное одиночество в «камерном» декадентском мире.

Изменение эстетических позиций Георге в первой половине XX в., когда поэт уходит от эстетики «искусства для искусства», во многом происходило под влиянием новооткрытой лирики Фридриха Гёльдерлина. Символист говорил, что именно автор «Гипериона» был предвестником возрождения трагической Греции и открыл для европейской культуры Диониса и Орфея: *«Dionysos und Orpheus waren noch verschüttet und Er allein war der entdeckter»* [6, с. 70] («Дионис и Орфей были еще сокрыты, и Он один их открыл»). Гёльдерлин *«...омолодил язык и тем самым омолодил душу... со своими синкретичными предсказаниями он стал*

краугольным камнем немецкого будущего и глашатаем Нового Бога» («...der verjünger der sprache und damit der verjünger der seele ... mit seinen eindeutig unzerlegbaren wahrsagungen der eckstein der nächsten deutschen zukunft und der rufes des Neuen Gotte») [6, с. 70]. Становится ясным, что Георге видел в поэзии Гёльдерлина, не понятом веймарскими классиками, предтечу своего религиозно-эстетического мифа.

В 1907 году выходит цикл стихотворений Георге «Седьмое кольцо» («Der Siebente Ring», 1907), в котором формируется «новый лирический стиль Георге». Созданию цикла предшествовала встреча Стефана Георге с Максимилианом Кронбергером (Maximilian Kronberger (1788–1904), который умер от менингита в 1904 году. Как Данте, Петрарка, Гёльдерлин и Новалис воплотили абстрактный идеал в образах дорогих им людей, рано ушедших из жизни, так и Георге обессмертил Максимиана (Maximin) и гипостазировал культ Мастера и учеников как в своей поэзии, так и в «Круге Стефана Георге».

В четвертом микроцикле «Седьмого кольца» постулируется Божественная природа лирического героя: «Dem bist du kind. dem freund. / Ich seh in dir den Gott / Den schauernd ich erkannt» [7, с. 96] («Для одного ты – ребенок. Для другого – друг. / Я же узрел в тебе Бога, / Которого познал в священном экстазе»). Появление Максимиана становится условием преображения мира: «Die starre erde pocht // Neu durch ein heilig herz» [7, с. 98] («Неподвижная земля пульсирует // По-новому благодаря священному сердцу»). Названия стихотворений – «Паломничество» («Das Zweite: Wallfahrt»), «Вознесение» («Erhebung»), «Заповеди» («Gebete»), «Отрешенность» («Entrückung») – маркируют этапы обожествления Максимиана, в образе которого проступает особый религиозный синкретизм: красота античного «богоравного» юноши (знаменитая формула Георге: «die Vergottung des Leibes und die Verleibung des Gotte» («обоожествление тела и телесное воплощение Бога») [8, с. 40] и жертвенность Христа.

Миф о Вечной Юности или Вечной Поэзии продолжает формироваться в следующем сборнике «Звезда союза» («Stern des Bundes», 1913) и приобретает окончательные контуры в последнем сборнике «Новое Царство» («Neues Reich», 1928), название которого отсылает к письмам Беллармина к Гипериону: «O ihr, die ihr das Höchste und Beste sucht, in der Tiefe des Wissens, im Getümmel des Handelns, im Dunkel der Vergangenheit, im Labyrinth der Zukunft, in den Gräbern oder über den Sternen! wißt ihr seinen Namen? den Namen des, das Eins ist und Alles? Sein Name ist Schönheit. Wußtet ihr, was ihr wolltet? Noch weiß ich es nicht, doch ahn ich es, der neuen Gottheit neues Reich, und eil ihm zu und ergreife die andern und führe sie mit mir, wie der Strom die Ströme in den Ozean» [9, с. 50] («О вы, ищущие высшего совершенства и высшего блага в глубинах знания, в суете житейских дел, во мраке минувшего, в лабиринте грядущего, в могилах или над звездами! Знаете ли вы его имя? Имя того, что представляет собой и Отдельное и Всеобщее? Имя его – Красота. Знаете ли вы, чего вы хотите? Я еще не знаю, но предчувствую новое царство нового божества, я спешу ему навстречу, увлекая за собой других, как река, стремящаяся к океану, увлекает за собой свои притоки») [9, с. 50].

Подтверждением сознательной отсылки Георге к роману Гёльдерлина является название второго стихотворения из сборника («Гиперион»), где символист противопоставил эмпирическую реальность и поэтическую мечту и очертил контуры потенциального идеального мира: «Ich sah euch fluss und berg und gau im bann / Und brüder euch als künftige sonnen-erben: / In eurem scheuen auge ruht ein traum / Einst wird in euch zu blut der sehnsucht sinnen» [10, с. 17] («Я вижу вас и реку, и гору, и край в изгнании, / И братьев, будущих наследников солнца: / в ваших робких глазах почивает мечта, / Однажды в вашем сердце вспыхнет жажда стремлений»). Георге видит в Гёльдерлине пророка, подготавливающего грядущее обновление: «Ich werde scholle / Der heilige sprossen zur vollendung nahn» [10, с. 17] («Я буду священные ростки родной земли / Приближать к совершенству»).

В романе Гёльдерлина «Гиперион, или Отшельник в Греции» («Hyperion oder Der Eremit in Griechenland», 1799) главный герой рассказывает в своих письмах о смерти Диотимы, которая была для него воплощением совершенной красоты и смысла жизни. В поэтическом мире «Нового Царства» подобная роль отводится Максимиану, символу проникновения абсолютного в ограниченное пространство человеческой жизни.

Поэтическая конструкция присутствия Божественного во времени, как у Гёльдерлина, формируется и осознается посредством утраты. Максимиана можно назвать мужским дериватом Диотимы. Исходя из этой общности, несложно обнаружить центральные мотивы «Нового Царства» в письмах Беллармину: «*Лишь однажды увидел я то Единственное, чего искала моя душа, и при жизни познал совершенство, осуществление которого мы отдаляем в надзвездные выси, отодвигаем до скончания века. Оно было тут, высочайшее его воплощение, тут, в этом кругу, очерченном человеческой природой и обстоятельствами. О Диотима, Диотима, посланница небес!*» [9, с. 51].

В стихотворении «Гиперион» Георге обыгрывает важнейшие лейтмотивы творчества Гёльдерлина. В первую очередь следует отметить мотив «празднования», понимаемый в библейском мессианском смысле: «*unter freundlichen spielen*» [10, с. 15] («в радостных играх»), «*gebärde der freude*» [10, с. 16]. Мартин Хайдеггер в анализе стихотворений Гёльдерлина отмечает, что «празднование есть некое освобождение» [11, с. 215]. Именно празднование, по мнению немецкого философа, приводит «к встрече людей и богов» [11, с. 215]. Сам Гёльдерлин говорит в гимне «Рейн» («*Der Rhein*»): «*Dann feiern das Brautfest Menschen und Götter*» [3, с. 156] («Ибо свадьбу торжественно празднуют люди и боги»). Посредник «от высот эфира... до глубин бездн» – поэт, который не возвышает небесное и не принижает земное. Поэтому Георге в стихотворении «Гёльдерлин» («*Hölderlin*»,) видит истинную поэтическую задачу в нахождении «между Ним и людьми» («*zwischen menschen und Ihm*» [6, с. 70]), «между днем и ночью» («*zwischen tag und nacht*» [6, с. 69]), «между тем, что было, и тем, что существует» («*wars und ists*») [6, с. 69].

Торжество – это результат, к которому постепенно приходит лирический герой. Этот путь неразрывно связан с мотивами «странствия по морю» и «возвращения домой». У Георге один из гимнов имеет показательное название «Детям моря» («*An die kinder des meeres*»). «Населенное Богом море» («*Gott-bewohnte meer*» [10, с. 22]) символизирует исток жизни в своем неисчерпаемом богатстве и неизмеримой силе. «Дети моря» воплощают эти качества в человеческом измерении, автономных образах и полноте возможностей. Поэтому здесь также идет речь о проникновении божественно-абсолютного в узкие рамки человеческой экзистенции. В этом контексте следует процитировать следующую строку из стихотворения Гёльдерлина «Воспоминание» («*Andenken*»): «*Es beginnt nämlich der Reichtum / Im Meere*» «Ведь богатство начинается в море» [3, с. 198]. Черпать сокровища из этого источника, по мнению Хайдеггера, должны «моряки, грядущие поэты Германии» [11, с. 181]. Именно они у Гёльдерлина, «как художники, соединяют Прекрасное этой земли...» («*Sie, wie Maler, bringen zusammen das Schöne der Erd*» [3, с. 198]). Поэтический синтез происходит после обретения целостности своего и чужого. Поэтому, как пишет Хайдеггер, они должны «огонь вернуть назад на родину» [11, с. 181]. Это же подразумевает Георге, когда говорит о «внутреннем огне» («*innere feuer*») [10, с. 22]. Здесь вырисовывается сверхзадача для тех, которые «родились в песнях волн» («*unterm wellenlied geboren*») [10, с. 23] с устремлением в «самое дальнее море» («*auf das fernste meer*») [10, с. 21] – воспринимать мир во всей его целостности, объединяющей в себе под знаком вечной красоты эстетическое познание времени и пространства. Мысль Г. В. Синоло, высказанная относительно поэзии Гёльдерлина, необычайно актуальна и для поэтического мира «Нового Царства»: «Дух открывается через прекрасное – прекрасную природу, прекрасного человека и творимое им искусство [12, с. 147].

Рецепция наследия великого классика и очерченная сверхзадача наложили отпечаток на стиль Георге. Немецкий символист впервые использует антисинтаксический верлибр, позволяющий ему передать всю сложность и динамичность рождения мысли. Стиль Георге изменяется, покидает границы привычной «камерности», столь характерной для ранних циклов поэта. Предложения разрастаются из-за обилия придаточных частей: «*Ihr habt Erlesne des glücks // wo ihr auch griffet gesiegt // Die ihr von greisen den schatz // enkeln gesamt übertrugt // Die ihr in fleisch und in erz // muster dem menschtum geformt // Die ihr in reigen und rausch // unsere götter gebart*» [10, с. 22] («У вас избранное счастье, // где вы его нашли завоевали, // которым вы предков сокровища потомкам целиком передали, // которым вы плотью и бронзой образец человечества сделали, // которым вы в хороводах и опьянении наших богов рождали»). Нарочитая амплификация, создающая впечатление

лавинообразного потока ассоциаций, соединяется со стремлением к предельной краткости. Кажущийся хаос проясняет суть поэтического посыла. Подобная сентенция часто выделяется в тексте: «*LIEBE GEBAR DIE WELT. LIEBE GEBIERT SIE NEU*» [10, с. 23] («Любовь породила мир. Любовь рождает его новым»). В итоге Георге создает особый одухотворенный ландшафт, где из «Богом населенного моря» и «источника теней» выходят разнообразные образы, придающие целостность поэтической картине: «ребенок, смотрящий вдаль» («*knabe in die ferne blickend*» [10, с. 25]), «рожденный из пены» («*Schaumgeborenen*») [10, с. 25], «дети моря» («*kinder des meers*») [10, с. 21]. Известно, что отмеченные поэтические приемы связывают лирику немецкого символиста с творчеством Гёльдерлина.

В раннем творчестве Георге можно выделить единичные отсылки к творчеству Гёльдерлина и поразительные совпадения. И только в сборниках и циклах, изданных после 1907 г., немецкий символист по-настоящему открыл для себя поэтический мир Гёльдерлина и увидел в нем своего единомышленника. Творческие устремления поэтов пересекались, поэтому не случайно автор монографии, посвященной творчеству Георге, К. Давид подчеркнул общие черты гёльдерлиновской и георгеанской лирики: «Пророческое звучание, желание возродить героическое человечество, осуждение обезображенной Германии, мечта о союзе греческого и немецкого духа, тоска по национальному единению и даже особый религиозный синкретизм» [13, с. 284]. В стихотворениях «Нового Царства» Георге обыграл лейтмотивы гёльдерлиновской лирики, использовал антисинтаксический верлибр и создал культурное пространство мифа о Вечной Юности или Вечной Поэзии, утопию обновленного человечества.

Список использованной литературы

1. Aurnhammer, A. Stefan George und Hölderlin / A. Aurnhammer // Euphorion. – Leipzig, 1987. – Bd. 81. – S. 81–99.
2. Gundolf, F. Hölderlins Archipelagus [Probevorlesung geh. 26. Apr. 1911] / F. Gundolf. – Heidelberg: Weiss., 1916.
3. Hölderlin, F. Sämtliche Werke: in 6 Bd. / F. Hölderlin. – Stuttgart: Cotta, 1953. – Bd. 2: Gedichte nach 1800. – 314 S.
4. Hölderlin, F. Sämtliche Werke: in 6 Bd. / F. Hölderlin. – Bd. 2: Gedichte nach 1800. – Stuttgart: Kohlhammer, 1953. – 537 S.
5. George, S. Gesamt-Ausgabe der Werke: in 18 Bd. / S. George. – Berlin: Georg Bondi, 1928. – Bd. 4: Das Jahr der Seele. – 136 S.
6. George, S. Gesamt-Ausgabe der Werke: in 18 Bd. / S. George. – Berlin: Georg Bondi, 1933. – Bd. 17: Tage und Taten. – 108 S.
7. George, S. Gesamt-Ausgabe der Werke: in 18 Bd. / S. George. – Berlin: Georg Bondi, 1931. – Bd. 6–7: Der Siebente Ring. – 222 S.
8. Gundolf, F. George / F. Gundolf. – Berlin: Georg Bondi, 1921. – 270 S.
9. Гёльдерлин, Ф. Гиперион, или Отшельник в Греции / Ф. Гёльдерлин. – М.; Аугсбург: Im Werden Verlag, 2004. – 187 с.
10. George, S. Gesamt-Ausgabe der Werke: in 18 Bd. / S. George. – Berlin: Georg Bondi, 1928. – Bd. 9: Das Neue Reich. – 145 S.
11. Хайдеггер, М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина / М. Хайдеггер. – СПб.: Академический проект, 2003. – 319 с.
12. Синило, Г. В. Синтез поэзии, философии и мифа в позднем творчестве Фридриха Гёльдерлина / Г. В. Синило // XVIII век: литература как философия, философия как литература: сб. науч. ст.; под ред. Н. Т. Пахсарьян. – М.: Экон-Информ, 2010. – С. 143–158.
13. David, C. Stefan George. Sein dichterisches Werk / C. David. – München: Carl Hanser Verlag, 1967. – 531 S.